

КОЛЛЕКТИВ АВТОРОВ

БИБЛЕЙСКИЙ СВЕТ.
ЖЕМЧУЖИНЫ РУССКОЙ
ПОЭЗИИ. СЮЖЕТЫ
ВЕТХОГО И НОВОГО
ЗАВЕТОВ ОТ СОТВОРЕНИЯ
МИРА ДО ОТКРОВЕНИЯ
ИОАННА БОГОСЛОВА

Коллектив авторов
Библейский свет. Жемчужины
русской поэзии. Сюжеты
Ветхого и Нового Заветов
от сотворения мира до
Откровения Иоанна Богослова

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=20645488

*Библейский свет. Жемчужины русской поэзии. Сюжеты Ветхого и
Нового Заветов от сотворения мира до Откровения Иоанна Богослова:*

Эксмо; Москва; 2016

ISBN 978-5-699-66785-7

Аннотация

«Предлагаемое издание по-новому открывает страницы библейской истории, дорогие сердцу каждого человека. Познакомившись в детстве и юности с сюжетами Священного Писания, мы снова и снова возвращаемся к ним, с годами переосмысливая и глубже понимая их суть и смыслы...»

Содержание

От издателя	6
О художнике	8
Предисловие	10
Ветхий Завет	12
Из Моисеевой книги Бытия	12
Ева	19
Адамово ребро	21
В потерянном раю	25
Осиротелый рай	27
Жертвенник Авеля	31
Каин	36
Всемирный потоп	41
Всемирный потоп	44
Ковчег на Арарате	47
Ной проклинает Хама	51
Ной проклинает Хама	54
Вавилонское столпотворение	55
Вавилонская башня	61
Вавилон	65
Уход из Харрара	66
Три ангела	69
Три ангела	71
Небесный огонь	74

Божий суд	77
Агарь	81
Авраам приносит в жертву Исаака	86
Авраам приносит в жертву Исаака	88
Жертва Авраама	92
Гробница Сарры	97
Гробница Сарры	98
Ревекка у колодца	101
Конец ознакомительного фрагмента.	102

**Библейский свет.
Жемчужины русской
поэзии. Сюжеты
Ветхого и Нового
Заветов от сотворения
мира до Откровения
Иоанна Богослова**

© ООО «Издательство «Эксмо», 2016

* * *

От издателя

Предлагаемое издание по-новому открывает страницы библейской истории, дорогие сердцу каждого человека. Познакомившись в детстве и юности с сюжетами Священного Писания, мы снова и снова возвращаемся к ним, с годами переосмысливая и глубже понимая их суть и смыслы. На страницах книги – поэтические образы, созданные мастерами русской поэзии: А. Майковым, В. Жуковским, А. Пушкиным, М. Лермонтовым, графом А. Толстым, А. Плещеевым, Л. Меем, Н. Языковым, А. Мерзляковым, А. Хомяковым, А. Полежаевым, С. Надсоном, Э. Губером, А. Фетом, Л. Граве, Вс. Крестовским, А. Апухтиным, Т. Полонским, графом А. Голенищевым-Кутузовым, К. Фофановым, С. Фругом, К. Льдовым, И. Ясинским, П. Вейнбергом, О. Чюминой, В. Бурениным, Ю. Миллером, Д. Михаловским, А. Бальмонтом, Д. Мережковским и многими другими.

В стихах русских поэтов и рисунках выдающегося иллюстратора XIX века Гюстава Доре запечатлены самые яркие эпизоды Библии – священной книги христиан. Многие века сюжеты Священного Писания вдохновляли творческих людей: писателей, поэтов, художников, скульпторов, иконописцев, композиторов, которые создавали на библейские темы свои лучшие произведения. Библия – великая книга, ее простое, но полное глубокой мудрости и тайного смысла повест-

зование знакомит нас с людьми и фактами Священной истории: созданием видимого и невидимого мира, сотворением человека, рождением и развитием культуры от времен первых людей до начала новой эры. Новый Завет – Евангелие – изложение жизни и учения Богочеловека Иисуса Христа, который пришел в наш мир для того, чтобы избавить людей от власти сатаны, греха и смерти.

Публикуемые в нашем издании жемчужины поэзии и графики подчеркивают и уясняют истинный, порой скрытый, смысл библейских событий. Поэтические и художественные образы легко понять не только тем, кто давно знаком с Библией, но и тем, кто начинает изучать Священное Писание.

Издатель надеется, что «Библейский свет» станет «настольной книгой» в каждой семье, напоминая старшим о великих событиях, описанных в Библии, и подготавливая младших к их изучению.

О художнике

На страницах книги «Библейский свет» стихи известных русских поэтов иллюстрируют гравюры знаменитого французского живописца и графика Гюстава Доре. Этот величайший иллюстратор XIX века создал восемьдесят тысяч рисунков для оформления самых значительных произведений мировой литературы: «Божественной комедии» Данте, «Гаргантюа и Пантагрюэль» Рабле, сказок Шарля Перро, «Дон Кихота» Сервантеса, сочинений Бальзака, Гюго, Шатобриана и многих других. Работами Гюстава Доре восхищались и многократно их переиздавали. Доре был необычайно талантлив в композиции, рисунке и живописи. Он создавал такие точные и глубоко прочувствованные образы, что казалось, сумел узнать тайны Природы.

Мировую известность художнику принесли гравюры на сюжеты Ветхого и Нового Заветов – от сотворения мира до Откровения Иоанна Богослова. В 232-х рисунках, выполненных в 1864–1866 гг., Доре удалось вдохновенно передать свое восприятие библейской истории, воплотить образы пророков и апостолов. Рисунки этого талантливого художника полны движения и жизненной правды. Их отличает непревзойденная игра света и тени, точность в мельчайших деталях изображаемой эпохи. Архитектура и природа Древнего мира, образы и одежда, предметы быта – все было

в совершенстве изучено мастером и увековечено в его великолепных иллюстрациях. Разглядывая гравюры Доре, погружаешься в библейские времена, поражаясь мастерству, глубине и изяществу художника. Достаточно одного взгляда на рисунок, чтобы то или иное событие навсегда осталось в памяти.

Иллюстрации Гюстава Доре использовались в изданиях Библии на разных языках в Европе, а позже в странах Северной и Южной Америки. В России они получили одобрение высшего органа управления Русской православной церкви – Священного синода. «Нет искусства без поэзии», – любил повторять Доре своим друзьям. Его великолепные работы прекрасно дополняют стихи известных русских поэтов, созданные на библейские сюжеты, и стали украшением нашего издания.

Предисловие

Французского живописца и графика Гюстава Доре (1832–1883) называли величайшим иллюстратором XIX века. На протяжении своей жизни он создал сотни гравюр, оттиски с которых оформляли различные художественные произведения мировой литературы. Однако всемирную известность принесли ему гравюры на сюжеты Ветхого и Нового Заветов – от сотворения мира до Откровения Иоанна Богослова. В 232 рисунках, выполненных в 1864–1866 гг., ему удалось вдохновенно передать свое восприятие библейской истории, воплотить образы пророков и апостолов.

Начиная с XIX века его иллюстрации использовались в изданиях Библии на разных языках в Европе, а позже в странах Северной и Южной Америки. В России они получили одобрение высшего духовного учреждения Русской православной церкви – Святейшего синода.

В этой книге соединены в одно неразрывное целое художественные иллюстрации ветхо- и новозаветных событий, исполненные Гюставом Доре, с соответствующими им по содержанию поэтическими произведениями. Здесь помещены стихотворения таких классиков русской литературы, как А. Пушкин, М. Лермонтов, В. Жуковский, А. Фет, А. Майков, Я. Полонский, Л. Мей, Н. Языков, К. Фофанов, С. Надсон, и других, а также стихи и переводы менее известных ав-

торов, не публиковавшиеся в последнее время, но популярные в XIX веке. Все эти произведения, написанные в легко воспринимаемой и доступной всем форме, уясняют смысл событий, изложенных в Библии, и заставляют работать наше воображение, создавая целостную картину далекого прошлого.

Великолепные иллюстрации Г. Доре полны движения и жизненной правды. Одно из главных их достоинств состоит в том, что они в самых мельчайших деталях рисуют нам не только те или иные события из библейской истории, но также быт, типы, архитектуру, одежды, сооружения, обряды живших в то время народов. Даже сама природа современного им мира в совершенстве была изучена талантливым художником и со всеми подробностями увековечена в его гениальных гравюрах. Достаточно одного взгляда на рисунок, чтобы какой-либо эпизод навсегда остался в памяти.

Ветхий Завет

Из Моисеевой книги Бытия

Л. Мей

I.

В начале сотворил Бог небеса и землю:
Земля невидима была
И не устроена; и тьма была над бездной,
И Божий Дух вверху воды носился...
И рек Господь: «Да будет свет», – и бысть.
И видел Бог, что свет – добро,
И разлучил Он свет со тьмою,
И свет нарек Он днем, а тьму нарек Он ночью.
И вечер был, и утро, первый день.
И рек Господь: «Да будет твердь среди вод
И разлучит между собою воды», –
И было так. И твердь Он сотворил,
И разлучил под твердью воду
От той, которая над твердию была,
И твердь тогда нарек Он – небом.
И видел Бог, что твердь – добро.

И вечер был, и утро, день второй...
И рек Господь: «Вода под небесами
Да соберется вся в собрание едино
И суша да появится под небом», –
И было так: и собралась вода
В свои собрания, и суша появилась.
И сушу Бог нарек землею,
И вод собранья Он нарек морями.
И видел Бог, что все – добро.
И рек Господь: «Да прорастит земля
Травное былие, дающее, по роду
И по подобию, живые семена,
И плодовые деревья прорастит,
С плодами, заключающими семя,
По всякому их роду на земле».
И было так: и изнесла земля
Травное былие, дающее, по роду
И по подобию, живые семена
И плодовые деревья прорастила,
С плодами, заключающими семя,
По всякому их роду на земле.
И видел Бог, что все – добро.
И вечер был, и утро, третий день...
И рек Господь: «Да явятся светила
На твердь небесную, чтоб землю освещать
И разлучать собою день от ночи,
Да будут знаменем времен, и дней, и лет,
Да будут освещением для тверди
И для земли», – и было так.

И сотворил Бог два великие светила:
В начало дню великое светило,
В начало ночи меньшее, и звезды,
И положил на тверди их небесной,
Чтоб им светить собой на землю,
Чтоб им владеть и днем, и ночью
И свет со тьмою разлучать.
И видел Бог, что все – добро.
И вечер был, и утро, день четвертый...
И рек Господь: «Да изведут Мне воды
Живые души гадов и пернатых,
Витающих под твердию небесной
И на земле», – и было так.
И сотворил Господь китов великих,
И душу всякую животных гадов,
Водами изведенных, по родам,
И птицу всякую пернатую по роду.
И видел Бог, что все – добро.
И всех их Бог благословил, глаголя:
«Растите, множитесь и наполняйте воды;
Да множатся и птицы на земле».
И вечер был, и утро, пятый день...
И рек Господь: «Да изведет земля
Живую душу, всякую по роду,
Четвероногих гадов и зверей,
По роду их», – и было так.
И сотворил Господь зверей земных, по роду,
Скотов, по роду их, и гадов всех, по роду,
И видел Бог, что все – добро.

И рек Он: «Сотворим Мы человека
По образу и по подобию Своему:
Да обладает рыбами морскими
И птицами небесными, зверями,
Скотами, всей землей и гадами земли».
И – сотворил Бог человека;
По Божью образу его Он сотворил.
И сотворив их, мужа и жену,
Благословил их Бог, глаголя:
«Растите, множитесь и наполняйте землю,
Господствуйте над всей землею
И обладайте рыбами морскими
И птицами небесными, зверями,
Скотами, всей землей и гадами земли».
И рек Господь: «Даю вам всякую траву,
Поверх земли растущую, и семя,
И древо всякое с плодами семенными –
И будут вам они во снедь.
И всем зверям земным, и птицам всем небесным,
И гадам всем, ползущим по земле,
И всем, в себе имеющим дух жизни,
Во снедь трава», – и было так.
И видел Бог все созданное Им:
И было все – великое добро,
И вечер был, и утро, день шестый.

II.

Созиждидись и небо и земля,
И все их украшение создалося.
И, в день шестый дела Свои свершивши,
В седьмый день Бог от дел Своих почил.



ДА БУДЕТ СВЕТ! БЫТИЕ, ГЛ. 1, СТ. 3. *И сказал Бог:
да будет свет. И стал свет.*

Ева

(Из Виктора Гюго)

Еще безгрешная она
И пред лицом небес стоит нагая,
Стыда в душе не ощущая,
И светлоокая, как Божий день, ясна,
Любуется она зарею –
Своей небесною сестрою.

О, женщина, небесный прах!
О, диво и венец творенья!
О, ты – великого ваятеля в руках
Тончайшей жизнью проникнутое бренье!
Скудельничий покров, из коего душа
Как будто светится и льется!
Святая красота, к которой сердце рвется,
К которой льнут уста!
Стремиться к твоему таинственному ложу,
А чистая в душе слышна еще любовь!
Берет сомнение: уж не одно ль и то же,
Что сердца страсть, что жар, палящий кровь!
И веришь, красоту в объятиях сжимая,
Что тут и божеству есть также дань святая.

Зрит первозданная жена

Мир дивный пред собою. Довольный взор она
Кругом повсюду обращает;
Идет; по мураве, под тенью пальм блуждает;
Цветы над ней, вокруг, вдали!
И злые перед ней гвоздики преклонились;
Пивонии припали до земли;
Фиоли в листьях притаились;
В раздумье вомусы стоят;
Родёндроны поникнули главами;
Льют лилии навстречу аромат,
И чуть раскрытыми устами
Пригнулись розы к ней – стопы ее лобзать...
Как будто бы из жизни сей чудесной,
Из этих милых солнца чад
Цвет – лучший всех – расцвел вдруг женщиной
прелестной.

Адамово ребро

С. Фруг

На ветхий пергамент красивой и нежной рукой указуя,
Мудрому равви – седому и бледному старцу –
Со смехом задорным промолвила патрицианка:
«Как поступил бы Зевес-громовержец – не знаю,
Но, равви, ведь это не в честь и хвалу Саваофу:
Богу, Зиждителю мира, Владыке вселенной,
Как татю ночному, похитить у смертного часть его тела –
Им же, Владыкой, из праха рожденную плоть, и к тому же
У спящего, равви, у спящего!..»

Равви взглянул на прекрасную дочь всепобедного Рима.
«Однажды, – сказал он, –
под кров мой убогий порою полночной
Хищник проник и похитил мой старый железный
светильник,
А вместо него мне оставил – злодей! – золотую лампаду
Тонкой работы...» –
«Но, равви!..» –
«Тончайшей работы,
Со множеством крупных, блестящих алмазов...»
«О, равви!..
Равви! – воскликнула римлянка. – «Хищник» сказал
ты?..

Какой же?..

Какой же он хищник?.. Взамену лампадки железной...» –

И не окончила. Мигом горячей, стыдливою краской

Зарделось цветущее личико римлянки юной...

И улыбаясь, и взглядом веселым и ясным любуясь

Румянцем смущенья на светлых чертах красоты
покоренной,

Равви склонился главою своей белокудрой,

С любовью целуя священные строки заветного свитка.



СОТВОРЕНИЕ ЕВЫ. БЫТИЕ, ГЛ. 2, СТ. 21. *И навел
Господь Бог на человека крепкий сон... И создал Господь Бог*

из ребра, взятого у человека, жёну, и привел её к человеку.

В потерянном раю

Я. Полонский

Уже впервые дымной мглою
Подернут был Эдемский сад...
Уже пожелкнувшей листвою
Усеян синий был Евфрат...
Уж райская не пела птица:
Над ней орел шумел крылом,
И тяжело рычала львица,
В пещеру загнанная львом...
И озирает злой дух с презреньем
Добычу смерти – пышный мир
И мыслит: «Смертным поколениям
Отныне буду я кумир!»
И вдруг он видит: в райской сени,
Уязвлена, омрачена,
Идет, подобно скорбной тени,
Им соблазненная жена.
Невольно прядью кос волнистых
Она слегка прикрыла грудь,
Уже для помыслов нечистых
Пролег ей в душу знойный путь...
И ей десницу простирая,
Встает злой дух – он вновь готов
Ей, сладкой лестью слух лаская,

Петь о блаженстве грешных снов.
Но что уста его сковало?..
Зачем он пятится назад?
Чем эта жертва испугала
Того, кому не страшен ад?..
Он ждал слезы, улыбки рая,
Молений, робкого стыда...
И что ж в очах у ней? Такая
Непримиримая вражда,
Такая мощь души без страха,
Такая ненависть, какой
Не ждал он от земного праха
С его минутной красотой.
Грозы божественной сверканье –
Тех молний, что его с небес
Низвергли, – не без содроганья
В ее очах увидел бес...
И в мглу сокрылся привиденьем,
Холодным облаком осел,
Змеей в траву прополз с шипеньем,
В деревьях бурей прошумел...
Но сила праведного гнева
Земного рая не спасла –
И канула слеза у древа
Познания добра и зла...

Осиротелый рай

К. Фофанов

И снова ночь легла и звездами заткала
Лазурный небосвод. Эдем благоухал;
Евфратская волна лениво ударяла
О голубой гранит неуязвимых скал.
Горели светляки на маке темноцветном;
Чуть искрилась роса на зелени травы;
Под зонтиками пальм дремали грустно львы,
И было грустно все в молчанье неприветном.
Впервые человек под кущами Эдема
Не грезил светлым сном; он был теперь далек
От рая своего, и сумраком тревог
Полна была его мучительная дрема.
Он понял гнет забот и ужас суеты,
Он в холоде дрожит, томится в зной истомой
И в робкой тишине, смущаясь темноты,
Спешит разжечь костер спасительной соломой.
И с тайной завистью он устремляет взор
Туда, где лес родной синее, помавая,
Где прихотлив цветов пестреющий убор
И где капризен так волшебный очерк гор,
Туда, в тот ясный мир потерянного рая!
Но там, у светлых врат утраченного мира,
Стоят два стражника, и блещут их мечи,

Как две святых звезды, упавшие с эфира,
Как две тюремные свечи!



ИЗГНАНИЕ ИЗ РАЯ. БЫТИЕ, ГЛ. 3, СТ. 24. *И изгнал*

Адама, и поставил на востоке у сада Едемского херувима

*и пламенный меч обращающийся, чтобы охранять путь к
древу жизни.*

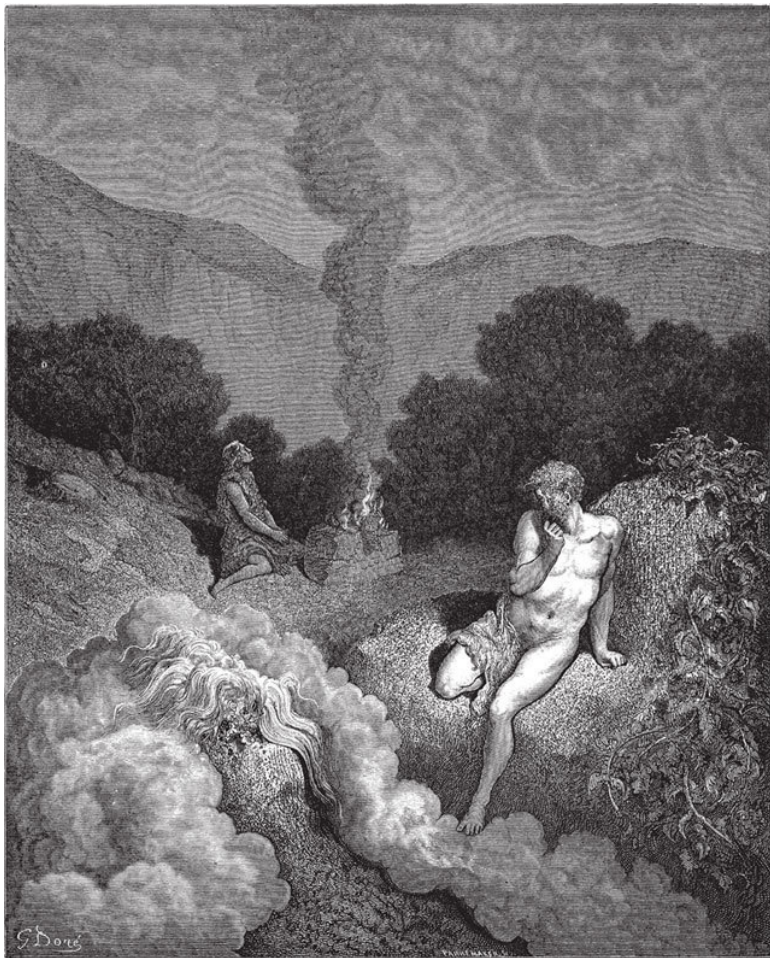
Жертвенник Авеля

К. Фофанов

Не первый раз над хмурою землею
Свершала осень грустный свой обход,
И крыла дол увядшею листвою,
И тучами темнила небосвод.
Не первый раз во мгле всходили зори,
И наливались сочные плоды,
И бушевало бешеное море,
Как вольный конь, не знающий узды.
Не первый раз, свою собирая жатву,
О теплых днях молился человек
И приносил торжественную клятву
Своим полям не изменять вовек...
Но в первый раз под небом увидали
Безмолвный труп, лежащий на земле.
Все смертные, в испуге и печали,
Теперь сошлись...
В за вечеревшей мгле
Еще дымилось жертвенников пламя,
Треща, огонь по сучьям пробежал,
И легкий дым, как призрачное знамя,
Туманною завесой трепетал.
И сиротливо жертвы догорали,
И не было жрецов у алтарей:

Один бежал и скрылся в темной дали,
Другой лежал недвижим, без речей.
Был странен лик усопшего; безмолвный,
Он сохранял величие и страх;
Густых кудрей разбросанные волны,
Как мягкий лен, темнели на плечах,
И на челе таинственная дума
Светилась загадкою уму,
И на устах, сомкнувшихся угрюмо,
Блуждал вопрос неслышный: «Почему?»
Все стали звать умершего собрата,
Но он был нем, неумолимо нем;
Он улетел от жизни без возврата...
Он улетел – куда?.. зачем?..
Не встанет он на них взглянуть приветно...
Уж подходил заплаканный отец,
Брал за руки, взывал к нему, но тщетно:
Был недвижим невнемлющий мертвец;
И мать к нему склонялася, рыдая,
Чтобы согреть хладеющую грудь...
Напрасно все!.. Дышала ночь немая,
А сын ее не мог теперь вздохнуть...
И ужас всех наполнил непонятный,
И тайный страх оледенил сердца...
Казалось, свод неба необъятный
Сейчас падет, чтоб спрятать мертвеца...
Но было все торжественно в природе:
Спокойных звезд лазурные огни
Текли, как встарь, в алмазном хороводе,

На жертвенниках тлели головни;
Плыл ветерок по дремлющим вершинам;
Дрожала зыбь в серебряной реке,
И оглашался вздохом соловьиным
Эдемский сад, темневший вдалеке...



ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АВЕЛЯ. БЫТИЕ, ГЛ. 4,
СТ. 4. ...и Абель также принес от первородных стада своего

и от тука их. И призрел Господь на Авеля и на дар его...

Каин

(Из Виктора Гюго)

Когда, спасаясь от гнева Иеговы
И скрыться под землей в отчаянье готовый
В безумном ужасе себя и мир кляня,
С семьею он бежал, – то на закате дня,
Измученный, успел достигнуть он долины,
Где высились кругом высоких гор вершины.
Из силы выбившись, тут дети и жена
Решились отдохнуть. Но было не до сна
Убийце первому, и, совестью жестоко
Терзаем, он присел на камень. Глубина
Таинственных небес казалась мрачна,
И посреди нее всевидящее око
Узрел он, на него глядевшее во мгле.

Он разбудил детей, заснувших на земле,
Усталую жену и вновь без замедленья
Пустился в путь. Он шел в теченье долгих дней
И стольких же ночей, не зная отдохновенья
И сна, трепещущий при шорохе ветвей,
В испуге торопя жену и сыновей
И позади себя не смея кинуть взгляда.
Тут путникам в лицо повеяла прохлада,
И вскоре все они морских достигли вод.

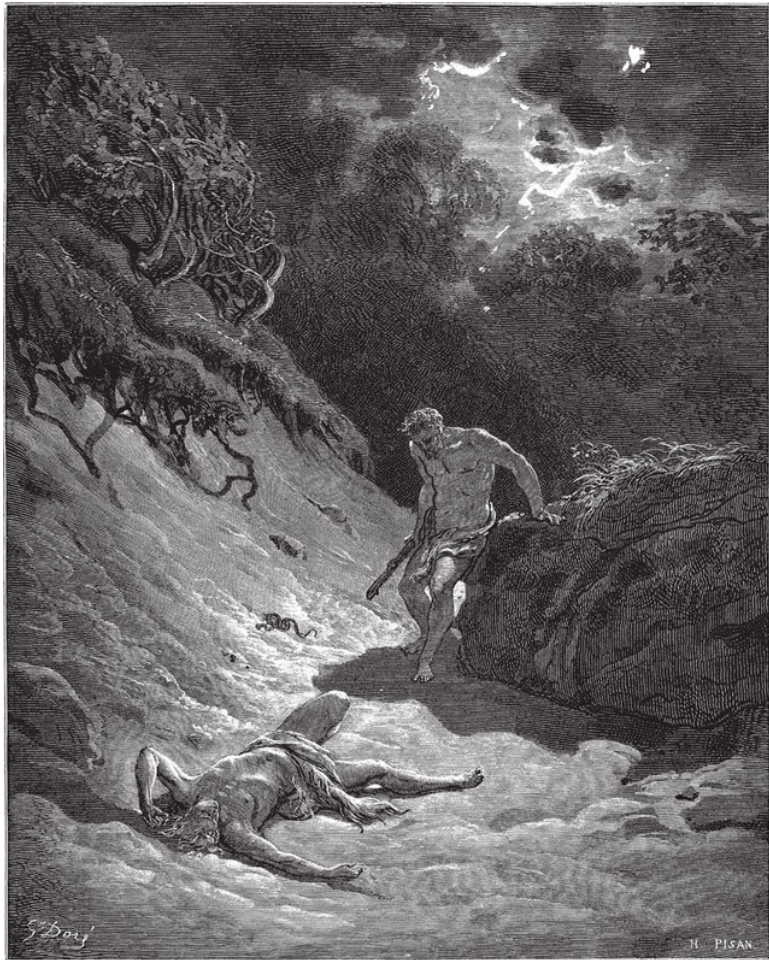
И Каин вымолвил: «Отсюда мы вперед
Не двинемся», – но, сев у берега морского,
Он в глубине небес узрел с тоскою снова
То око самое, что видел и тогда!

«Куда укрыться мне, о Господи, куда?» –
Воскликнул он, и тут раскинули поспешно
Над ним сыны его из полотна шатер,
Но Каин отвечал с тоскою безутешной:
«Оно со мною здесь, как совести укор».
Один из сыновей преступника, в замену
Шатра, воздвигнул там громаднейшую стену,
Но и в тени ее увидел Каин вновь
То око самое, и в нем застыла кровь...

Тогда сказал Енох: «Здесь город укрепленный
Построим с башнею, из камня возведенной».
И вскоре, заменив шатер из полотна,
Воздвиглась города зловещая стена,
Чудовищную тень среди равнин бросая.
Она была мрачней, чем туча грозовая,
И гору превзойти могла бы толщиной.
У входа, дерзкою начертаны рукой,
Виднелися слова: «Мы воспрещаем Богу
Входить сюда». В душе тая свою тревогу,
Они по вечерам пускали целый рой
Своих ужасных стрел в небесные светила.
Когда же, наконец, окончено все было
В их городе – они ввели туда отца,

И башню темную он занял. Но сердца
Забилися у них, когда опять с тоскою
Воскликнул он: «И здесь оно передо мною!»

И он сказал сынам: «Я в глубине земли
Хочу отныне жить, чтоб видеть не могли
Меня и чтобы сам я никого не видел».
Он плакал – и себя, и грех свой ненавидел.
Тут яму вырыли глубокую ему,
И он сошел туда – в безмолвие и тьму,
Но и в могильной тьме, холодной и глубокой,
На Каина опять глядело то же око...



СМЕРТЬ АВЕЛЯ. БЫТИЕ, 4, СТ. 8. *И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его.*

Всемирный потоп

А. Красницкий

В безумье гордом род людской
Забыл Творца всей поднебесной, –
Он увлечен лишь красотой,
Ему так близкою – телесной...
Но время кары настает,
И дождь все льет, все льет...
Поднялся уровень всех рек,
На берег вал за валом плещет,
Но ослепленный человек,
Забыв о Боге, не трепещет...
А время движется вперед...
И дождь все льет, все льет...
Сравнился с твердью океан,
К вершинам гор подходят воды –
Скрывает казнь собой туман
Закон нарушившей природы...
Очнулся в ужасе народ,
А дождь все льет, все льет...
Спасенья нет от казни той –
Близка минута роковая...
И вспомнил Бога род людской,
К Нему беспомощно взывая...
Его он молит и зовет,

А дождь все льет, все льет...



ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП. БЫТИЕ, ГЛ. 7, СТ. 19. И

усилилась вода на земле чрезвычайно, так что покрылись все высокие горы, какие есть под всем небом...

Всемирный потоп

С. Фруг

Когда стоглавый грех над миром воцарился
И юный сын земли пред ним, как раб, склонился,
Кладя на жертвенник его
Все силы сердца своего,
И ангел, свой чертог лазурный покидая,
С надзвездной высоты, из мирных кущей рая
На землю грешную сходил
И грех со смертными делил, –
Отверзлась грудь земли, отверзлись неба своды,
Потоком хлынули карающие воды –
И вмиг с лица земли навек
Был смыт преступный человек.
Когда же фимиам возжег рукой несмелой
И стал молиться Ной, – на мир осиротелый,

.....
.....

И прозвучал с небес торжественно-сурово
Могучий глас Творца: «Клянусь, вовеки снова
Не ниспошлю на род людской
Я этой кары роковой...»



ВСЕМИРНЫЙ ПОТОП. БЫТИЕ, ГЛ. 7, СТ. 21. *И лишилась жизни всякая плоть, движущаяся по земле, и пти-*

цы, и скоты, и звери, и все гады, ползающие по земле, и все люди

Ковчег на Арарате

А. Лавров

Погибли с природой земною
Все люди под бурной волной,
И спасся в ковчеге с семьею
Лишь Ной.

Над прахом безумной гордыни
Повсюду с ковчеха видна
Лишь ширь многоводной пустыни
Без дна.

Со штормом в борьбе бесполезной,
Не в силах замедлить свой бег,
Все время носился над бездной
Ковчег.

Приподнят волною вдруг ближней,
Он кинут был через валы,
И стал вмиг ковчег неподвижной
Скалы.

Голубку в надежде отрадной
Пускает немедленно Ной
Найти, что не скрыто под жадной

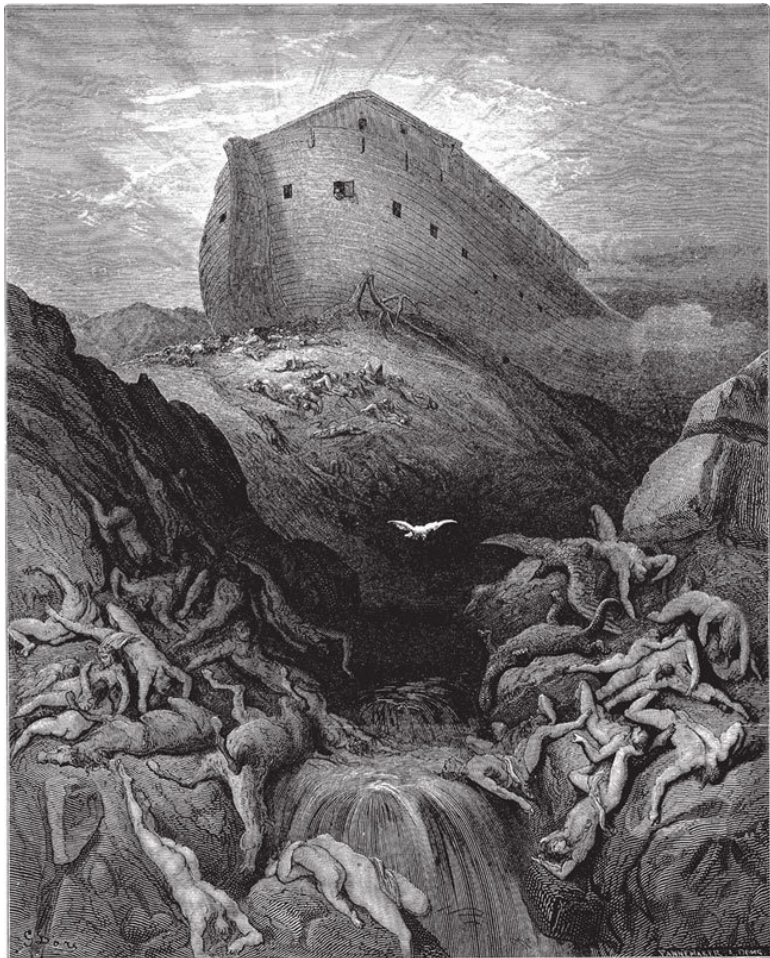
Волной.

Напрасно дни целые, ночи
Он ждет возвращения ея,
Нет вестницы милой, и очи,
Тая

И скорбь, и надежду на счастье,
Туманились часто от слез:
Миг каждый душе лишь ненастье
Принес.

О радость! За дымкою редкой
Тумана стремится чрез тьму
Голубка с зеленою веткой
К нему!

Так часто и счастье, и радость
Чрез горя тяжелого гнет
Отрадной надежды нам сладость
Несет.



НОЕВ КОВЧЕГ НА АРАРАТЕ. БЫТИЕ, ГЛ. 8, СТ. 8.

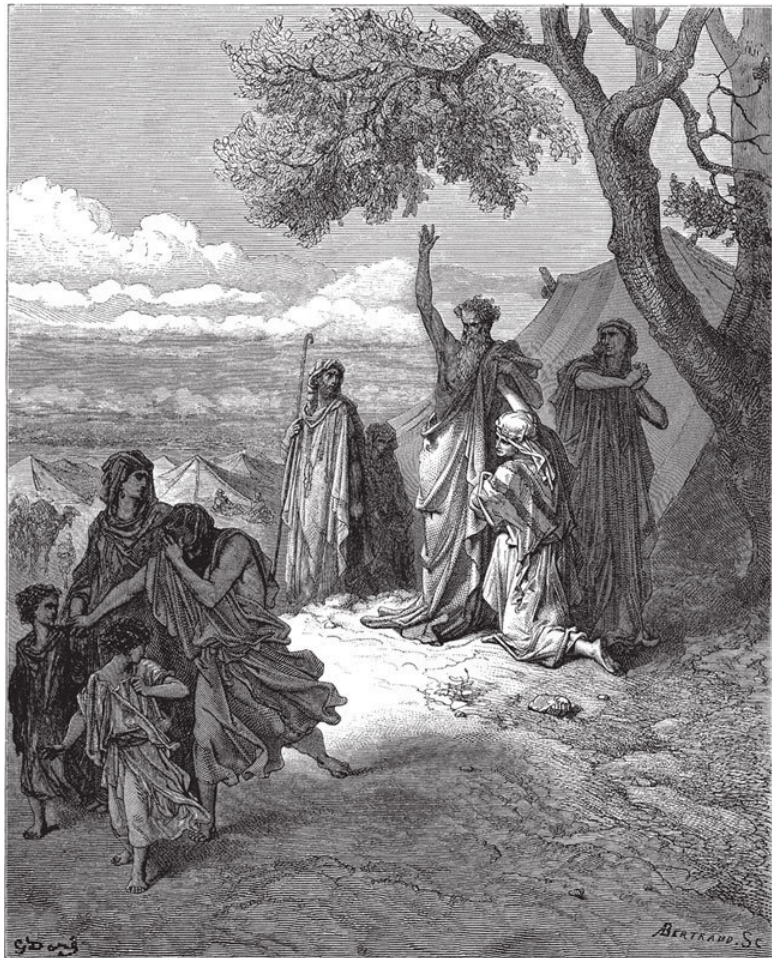
Потом выпустил от себя голубя, чтобы видеть, сошла ли вода

с лица земли...

Ной проклинает Хама

Н. Григорович

Однажды Ной, разведший виноградник,
Работал там и, опьянев от сока,
Прилег в шатре, и обнажился он;
И, увидав лежащего отца,
Смеяся, Хам о том поведал братьям.
И тут же Сим и кроткий Иафет,
Одежду взяв и возложив на плечи,
Пошли в шатер и, на отца не глядя,
Прикрыли ею наготу его.
Когда же он, проснувшись, узнал,
Что сделали сыны его, сказал он:
«Будь проклят Хам! Последним из рабов
Да будет он у каждого из братьев. –
Еще сказал: – Благословенье Симу,
Его рабом да будет Хам вовек!
Пошли Господь все блага Иафету,
Да веселится в Симовом шатре,
И, словно раб, да служит Хам обоим!»



НАКАЗАНИЕ. ХАМА БЫТИЕ, ГЛ. 9, СТ. 25. ...и ска-
зал: проклят Ханаан; раб рабов будет он у братьев своих.

Ной проклинает Хама

А. Красницкий

Отныне проклят я среди времен грядущих! –
Воскликнул в горе Хам, отторгнутый отцом. –
Потомство братьев двух в своих зеленых куцах
С презреньем помянет об имени моем.
Рабами у рабов страстей ничтожных будут
Моих сынов сыны отныне и вовек,
Под рабским игом все надолго позабудут,
Что каждому из них все ж имя: человек!..»
Прошли века веков – сбылося предсказанье
Над Хамом тяготит проклятия туман,
Везде, как жалкий раб, ничтожное созданье,
Презренен для людей в потомках Ханаан,
Но кто же может знать – рассеются проклятья:
Постигнут, наконец, и малые умы,
Что люди на земле – родимые все братья,
И даже Ханаан такой же, как и мы!

Вавилонское столпотворение

Я. Полонский

I.

НЕМВРОД

К небу тащите каменья, рабы!
Стройте над сводами своды;
Там будут жалкие ваши мольбы
Ближе к Владыке природы.
Стройте, пока царь бичами вас бить
Не отменил повеленья,
Мысли великой должны вы служить,
Мысль эта – столпотворенье.

Верьте вы радуге, данной в залог;
Нет, она сон мой тревожит:
Тот, кто хоть раз потопить землю мог,
Вновь потопить ее может,
Поднятый грубою силой рабов,
Я отстою силу знанья...
Шире моих вавилонских дворцов,

До облаков строите зданье;

Пусть мой Творец топит мой Вавилон,
Пусть утучняет костями
Мой вертоград – я поставлю мой трон
Над облаками с звездами...
Выше громов я воссяду на нем,
И, не смущаемый ревом
Хлябей морских, буду с гневным Творцом
Я говорить с тем же гневом.

Пусть, я скажу Ему, стрелы Твои
Славу мою озаряют,
Тучи Твои – лижут ноги мои,
Бури Твои – освежают, –
Звездный венец Твой горит надо мной,
В то же одет я убранство,
Той же вселенной я вместе с Тобой
Обозреваю пространство...

II.

ГОЛОС В ТОЛПЕ

Иегова длань простер и зовет.

Глас Его – гром. Одеянье –
Туча, которую буря несет.
Гнев Его – молний сверканье...
Ужас настал – помутились умы.
День почернел от испуга.
Ненависть нас разобщила, и мы
Не понимаем друг друга...
Из берегов выступает Евфрат,
Столпообразная наша
Треснула башня, подмости горят...
Зла переполнилась чаша.
Слышится вопль: «Пал наш гордый пророк,
Плачущих жен мы уводим...
Запад, прими нас! Прими нас, восток...
Боже! Спаси нас – уходим...»

III.

ГОЛОС НЕМВРОДА

Пусть из-за туч низлетая, гремят
Огnezубчатые стрелы,
Пусть эти своды, шатаясь, трещат

И загораются, – смелый

Дух мой не дрогнет. Все тот же я царь:
Трусы! Не войте, молчите!
Передо мной ставьте тот же алтарь,
Те ж фимиамы курите.
Пусть разбегаются овцы-рабы –
Не побегу я... Природа –
Та же раба. Сила грозной судьбы
Не пересилит Немврода:
Новую башню воздвигну я – и,
Несокрушимая, станет
Твердым оплотом людей и земли –
И в небеса гром мой грянет!



СТОЛПОТВОРЕНИЕ ВАВИЛОНСКОЕ. БЫТИЕ,
ГЛ. 11, СТ. 4. ...дано ему имя Вавилон, ибо там смешал

Господь язык всей земли, и оттуда рассеял их Господь по всей земле.

Вавилонская башня

К. Фофанов

Подрубим секирами девственный лес!
Надломим утесов граниты
И башню созиждем до вечных небес,
Где боги от взоров сокрыты.
Мы башню созиждем на память племен,
На славу и диво грядущих времен!» –
Вещали потомки Адама – и клич
Шумит громоносный повсюду.
Ломают леса, обжигают кирпич,
Копают железную руду.
В пустыню, дотоле безгласную, вдруг
Проникли желанья, любовь и недуг.
И вот от восхода зари до луны,
Сверкающим зноем палимы,
Под ношей ступают коней табуны,
Плетутся пешком пилигримы.
И старцы, и дети, и жены бредут,
Влечет их и манит божественный труд,
Все жаждут искусство свое показать,
И гордо проходят верблюды,
Неся на горбах драгоценную кладь –
Железа и мрамора груды.
И мчатся минутами в вечность года

За тяжестью бременной живого труда.
И труд их сначала успешен и скор:
Колонны из меди отлиты,
И степи широкой цветущий ковер
Закрыли гранитные плиты,
И первым навесом угрюмо повис
Послушный могучей руке кипарис.
Работают люди... Стучат топоры...
Визжат многозубые пилы;
Вкруг гордой постройки теснятся шатры,
Теснятся уже и могилы.
Рождаются люди, трудятся и мрут,
Но шире и шире возносится труд.
Сто раз пожинали колосья они,
Сто раз им весна зацветала.
Как искры, мелькали чуть видимые дни,
Как море, работа стонала...
Все выше и выше их башня растет
И вот уж вершиной ушла в небосвод.
Восторженно быются сердца их в груди,
Когда они всходят к вершине
Заветной постройки; блестит позади
Евфрат синей лентой; в долине
У ног муравьями и взад и вперед
Снует хлопотливо шумящий народ.
Вдали, как зубцы перевозданных твердынь,
Синеют далекие горы,
И стелется полог бесплодных пустынь,
И леса чернеют узоры,

И коршун, покинув холодный гранит,
Отважно над морем кипучим парит.
И чудно, и странно людей торжество –
Все мнят в упованье глубоком,
Что скоро увидят они божество,
Сокрытое в небе далеком.
Поспешней движенье... Быстрее топор...
Но скоро подъемлются крики и спор:
Один просит смазки для глины камней –
Ему топоры предлагают;
Недужный о помощи молит детей –
Его на работу толкают;
Один просит камень – другой подает
Прозящему спелый смоковницы плод.
И каждый другого не может понять,
И, чужды друг другу, все стали роптать.

* * *

Замолкла работа; не носится груз
К вершине по белым ступеням.
Заспорили – рухнул великий союз,
Конца нет упрекам и пеням.
Рассыпались люди нестройной толпой,
Как птиц окрыленных испуганный рой.
И семьи одни убрели на восток,
Туда, на побережье Дуная,

Где звонче струится зеркальный поток,
Душистее ночь голубая.
Другие туда, где скалистый Тибет
Застыл, как гигантского змея скелет.
Иные к родному Евфрату ушли,
Где праотцы спят их безгласно;
Другие за Нил, к полуденной земле, –
Где все упоительно, страстно;
Иные к ключам Ниагары седой,
Где борются хищные волны с землей.
Иные на север, где чудные сны
Роятся под вой непогоды,
Где хмурые ели, как траур, темны
И льдами окованы воды...
Им стали отчизной чужие места,
И гордая башня осталась пуста.
Как сон за мечтой, за волною волна,
Идет век за веком. Сурово
Враждуют в неровной борьбе племена...
Придется ль сдружиться им снова,
Придется ль сплотиться во имя труда?
Во имя какого? когда?

Вавилон

С. Надсон

Брошены торжище, стадо и пашня,
Заняты руки работой иной;
Камень на камень, и стройная башня
Гордо и мощно встает над землей...
Ласточка, рея в лазури бездонной,
Кажется точкой для смертных очей.
Или мы, с нашей мечтой окрыленной,
Кроткой, воздушной певуньи слабей?
К небу, где тучи играют и мчатся,
Сыпля громами у ног Божества,
К небу, где райские реки струятся,
Стелется райских лугов мурава;
К жизни блаженства от жизни страданья,
К звездам, сверкающим ярким огнем...
Высьтесь же, стены гранитного зданья,
Будьте нам к вечному небу путем!

Полно, безумцы! Взгляните: чернеет
Грозная туча на грани небес:
В трепетном ужасе мир цепенеет...
Отблеск зарницы мелькнул и исчез...

Уход из Харрара

О. Чюмина

Сказал Господь: «С родимую страну
Расстанься ты и дом отцов покинь;
Через пески сыпучие пустынь
Ты в новый край последуешь за мною.

Иди – и род я возвеличу твой,
Там слава ждет, там ждет его свобода;
Родоначальник нового народа –
Земных племен ты явишься главой».

Благословен – тебя благословящий,
Весь род земной благословен в тебе,
И всяк тебе обиду наносящий –
Тем навлечет проклятие себе».

И, будучи в годах уже преклонных,
Покорно внял Всевышнего словам:
В путь собрался с семьей Аврам,
С собою взяв рабов приобретенных.

И были с ним жена его и Лот.
Громадные стада их и верблюды,
Несущие узорных выюков груды, –

Все двинулось в далекий переход.

С надеждою и смутною печалью
Вступил в пески пустыни караван,
Стремясь туда, где за волнистой далью
Неведомый скрывался Ханаан.



ОТПРАВЛЕНИЕ АВРАМА В ХАНААН. БЫТИЕ, ГЛ.

12, СТ. 5. *И взял Аврам с собой Сару, жену свою, Лота, сына брата своего, и все имение, которое они приобрели, и всех людей которых они имели в Харране, и вышли, чтобы*

идти в землю Ханаанскую; и пришли в землю Ханаанскую.

Три ангела

О. Чюмина

Под дубом Мамврийским сидел Авраам.
И очи возвел он к далеким холмам,
И тут же очам не поверил своим:
Три ангела светлых стояли пред ним.
Блистали их лики красою лилей,
И снега одежды казались белей, –
И пал Авраам перед ними во прах,
И странников чудных, в смиренных речах,
Молил отдохнуть он в тени, у шатра,
Пока не спадет над долиной жара.

Он путникам ноги босые омыл
И сам за трапезой Господней служил.
Он выбрал им лучшего агнца из стад;
Душистые фиги, миндаль, виноград
И мед золотистый, густой, как смола,
И хлебы, которые Сарра пекла,
Поставил пред ними в древесной тени.

Вкусив, спросили у старца они:
«Где Сарра – подруга твоя и жена?»
Сказал он: «В шатре, за работой она».
И молвил из чудных пришельцев один:

«Через год у жены твоей родится сын!»
Услышала Сарра и слову тому
В душе рассмеялась, не веря ему:
«Возможно ль, чтоб это случилось вдруг, –
Стара я, и в годах преклонных супруг».
Но странник чудесный промолвил в ответ:
«Узнай: для Творца невозможного нет;
Сказал Он – и будет! Через год я опять
Увижу здесь Сарру – счастливую мать».

И, молвив, восстали они и пошли,
И скрылися скоро в волнистой дали.
Чудесных гостей проводил Авраам,
А Сарра стояла, не веря очам,
И долго вослед им, тревогой полна
И трепетом тайным, глядела жена,
Не в силах сомнений своих побороть.

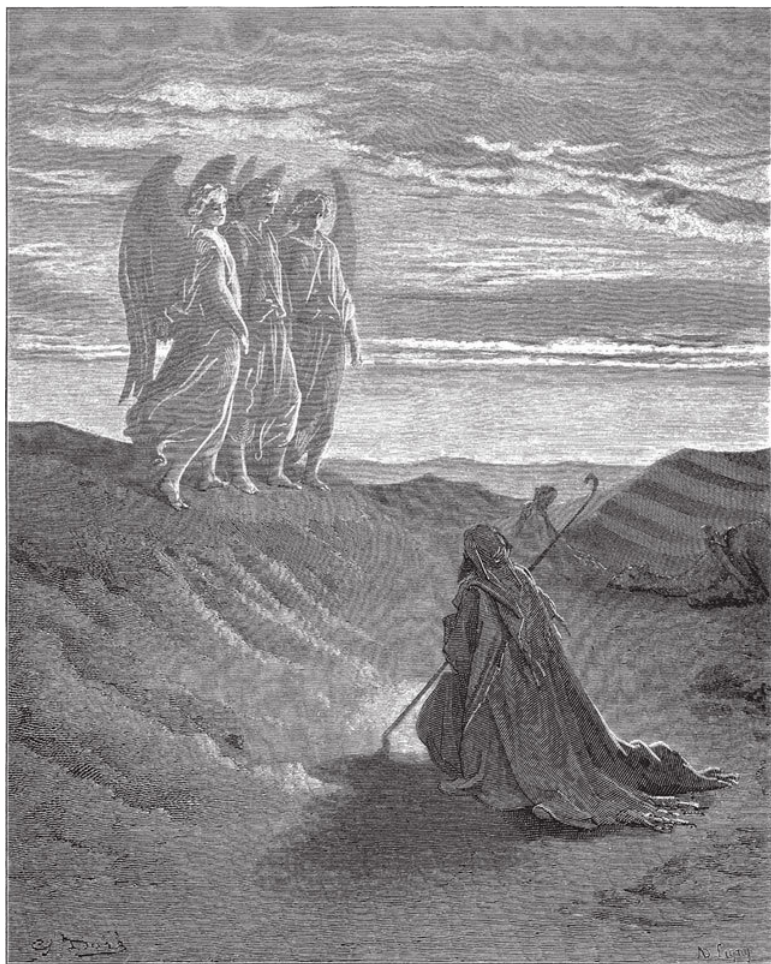
Через год совершилось, как молвил Господь.

Три ангела

А. Лавров

Что за дивное виденье!
Патриарх глядит смущенный –
Трое путников чудесных
Приближаются к дубраве.
Белы их, как снег, одежды,
Свет от них исходит яркий,
Но окутаны все трое
Словно дымкою тумана.
Грозен, строг по виду первый,
Он глядит вперед с величием,
И под взглядом тем былинки
Преклоняются смиренно.
А второй любовью кроткой
Дышит весь – куда ни взглянет,
Там повсюду зацветают
Благовонные цветочки.
Третий – чист, как утра ветер,
Смотрит строго и любовно,
Посылая взглядом кротким
И надежду, и угрозу.
И, в волненье, на колени,
Постигая смысл явленья,
Ниц склонился со слезами

Авраам пред Троициным.



ЯВЛЕНИЕ АВРААМУ ГОСПОДА. БЫТИЕ, ГЛ. 18,

СТ. 1. *И явился ему Господь у дубравы Мамре, когда он сидел при входе в шатер [свой], во время зноя дневного.*

Небесный огонь

(Из Виктора Гюго)

К. Фофанов

Разверзлись облака чудные складки,
Багровое пламя сверкнуло – и вот
Безумная туча гремит и ревет,
Как бешеный в злобном припадке,
Разверзлась воздушная пасть,
И сыплется сера, и падает пламень,
И камень на камень
Стремится упасть!
О горе! Спасенья от гибели нет,
И рушатся кровли, и слышатся стоны,
И, трепеща, кровавый свет
Упал на белые фронтоны.
Содом, Гоморра! Божий гнев
На вас упал и вас карает,
И стрелы молний выдувает
На вас косматой тучи зев.
Не алым заревом денницы –
Грозой пылает небосклон;
Народ в испуге пробужден,
Бегут за город колесницы.
Бежит народ, а серый дым

Туманом стелется пред ним...
И нет спасенья, нет пощады!
Дворцов холодные громады
Ниспровергаются во прах,
И башни рушатся, и храмы;
Напрасно в них на алтарях
Жрецы сжигают фимиамы,
Напрасно агнцев молодых
Приносят в жертву; тщетно маги
С очами, полными отваги,
Выносят идолов своих;
Напрасно белую тунику
Склоняет царь пред алтарем:
Не вняв отчаянному крику,
Огонь пылающим венцом
Венчает слабого владыку,
И, как испуганный олень,
Все дальше, дальше пламя мчится,
И с позолоченных ступень
Кумир бесчувственный валится.
Клубится дымная река,
Народ бежит в тоске страданья,
Первосвященника рука
Творит напрасно заклинанья.
Его тиара, как мечом,
Поражена вдруг искрой молний –
И он стоит уже безмолвной
Слепому идола... Кругом
Огонь мешается со смрадом,

И побеждает всюду смерть,
Как будто стала черным адом
Для рая созданная твердь!..

Божий суд

А. Полежаев

Есть духи зла – неистовые чада
Благословенного Отца;
Удел их – грусть, отчаянье – отрада,
А жизнь – мученье без конца.
В великий час рождения вселенной,
Когда извлек Всевышний перст,
Из тьмы веков, эфир одушевленный
Для хора солнцев, лун и звезд;
Когда Творец торжественное слово
В премудрой благодати изрек:
«Да будет прах величия основой!»
И встал из праха человек, –
Тогда Ему – светлы, необозримы –
Хвалу воспели небеса,
И юный мир, как сын его любимый,
Был весь – волшебная краса...
И ярче звезд и солнца золотого,
Как иорданские струи,
Вокруг Его, Властителя Святого,
Вились архангелов рои.
И пышный сонм небесных легионов
Был ясен, свят перед Творцом
И на скрижаль божественных законов

Взирал с трепещущим челом.
Но чистый огонь невинности покорной
В сынах бессмертия потух –
И грозно пал, с гордынею упорной,
Высокий ум, высокий дух.
Свершился суд!.. Могучая десница
Подъяла молнию и гром –
И пожрала подземная темница
Богоотверженный Содом!..
И плач, и стон, и вопль ожесточенья
Убили прелесть бытия –
И отказал в надежде примиренья
Ему правдивый Судия.
С тех пор враги прекрасного созданья
Таятся горестно во мгле,
И мучит их, и жжет без состраданья
Печать проклятья на челе.
Напрасно ждут преступные свободы:
Они противны небесам, –
Не долетит в объятия природы
Их недостойный фимиам!



**ГИБЕЛЬ СОДОМА И ГОМОРРЫ. БЫТИЕ, ГЛ. 19,
СТ. 24–25.** *И пролил Господь на Содом и Гоморру дождем*

серу и огонь от Господа с неба, и ниспроверг города сих, и всю окрестность сию, и всех жителей городов сих, и [все] произрастения земли.

Агарь

Я. Полонский

Завистью гонима, я бегу стыда –
И никто не сыщет моего следа.
Кущи господина! Сени госпожи!
Вертоград зеленый! Столб родной межи!
Поле, где доила я веселых коз!
Ложе, где так много пролила я слез!
И очаг домашний, и святой алтарь –
Все прости навеки!» – говорит Агарь.

И ее в пустыню дух вражды влечет,
И пустыня словно все за ней идет
Все вперед заходит, и со всех сторон
Ей грозит и душит, как тяжелый сон.
Серые камни, лава и песок
Под лучами солнца жгут подошвы ног;
Пальм высоких листья сухо шелестят;
Тени без прохлады по лицу скользят;

И в лицо ей ветер дышит горячо;
И кувшин ей давит смуглое плечо.
Сердце замирает, ноги устают,
Слезы высыхают и опять текут...
Чу! Вдали журчанье ключевой воды,

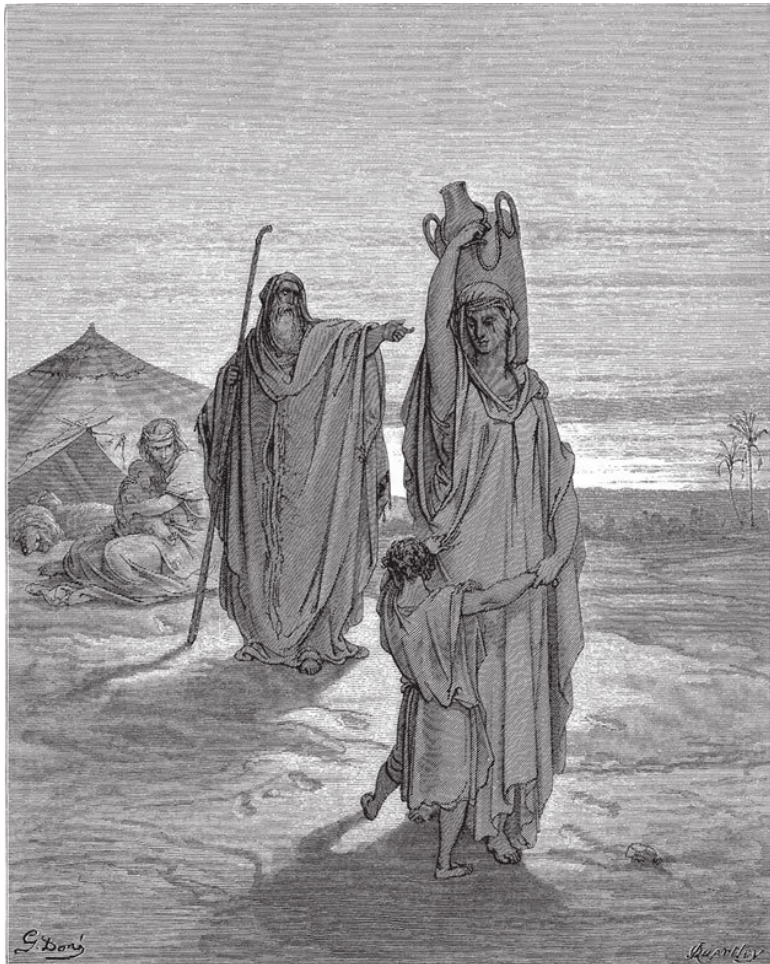
По краям оврага свежие следы.
Знать, недаром пастырь здесь прогнал стада,
Вот – скамья и желоб, зелень и вода.

И, слагая ношу, села отдыхать
Бывшая рабыня – будущая мать,
И, страшась пустыни, и боясь пути,
И не зная, где ей спутников найти, –
Головой поникла с тайною мольбой.
Вдруг, как будто с ветром, сладостно-живой
Голос не воздушный, но и не земной,
Прозвучал в пустыне, говоря с душой.

И она очнулась... Слушая, глядит,
Видит – ангел Божий на песке стоит.
Белая одежда, белое крыло,
Кроткое сиянье – строгое чело.
«Ты куда?» – спросил он.
– «Я иду в Кадис». –
И сказал ей ангел:
«С миром воротись!»

«Я бегу от Сарры, госпожи моей».
И сказал ей ангел:
«Примирился с ней!
И родишь ты сына, силу многих сил...
Наречеша имя ему Измаил,
И рука Господня будет вечно с ним...
Населятся страны семенем твоим...»

И с отрадой в сердце начала вставать
Бывшая рабыня – будущая мать.



**ИЗГНАНИЕ АГАРИ И ИЗМАИЛА. БЫТИЕ, ГЛ. 21,
СТ. 14.** Авраам встал рано утром, и взял хлеба и мех воды,

и дал Агари, положив ей на плечи, и отрока, и отпустил ее.

Авраам приносит в жертву Исаака

О. Чюмина

Испытывая веру Авраама,
Сказал Господь: «Возьми дитя свое,
Любимого, единственного сына,
И на одной из отдаленных гор,
Которую я укажу тебе,
Ты принесешь его на всесожженье».

Заутра встал с зарею Авраам,
И, сына взяв и взяв еще с собою
Двух отроков, он оседлал осла
И в дальний путь отправился немедля,
Куда Господь его направил Сам.

И вот, прибыв на место, отпустил
Он отроков, его сопровождавших,
И хворост несть велел он Исааку,
А сам взял нож и жертвенный огонь.
И сын сказал: «Огонь для всесожженья
И хворост есть, но где же агнец тот,
Которого мы Господу приносим?»
Но Авраам ответил не колеблясь:
«Себе Господь Сам агнца изберет».

И, возложив единственного сына
На жертвенник, он лезвие ножа
Занес над ним, когда Господень ангел
Явился вдруг и руку удержал,
Готовую нанести удар смертельный.

И раздался божественный глагол:
«Остановись! Не поражай его!
Благословенье Божье над тобою,
Зане Ему ты в жертву принести
Не пожалел единственного сына...
Ступай – и в дом ты с миром возвратись».

И, выслушав Господне повеленье,
Перед собой увидел Авраам
В кустарнике неподалеку – овна.
Заклав его, принес его он в жертву,
И, вознеся Творцу благодаренье
На той горе, указанной Всевышним,
Где слышал он божественный глагол, –
Обратно в дом он с сыном отошел.

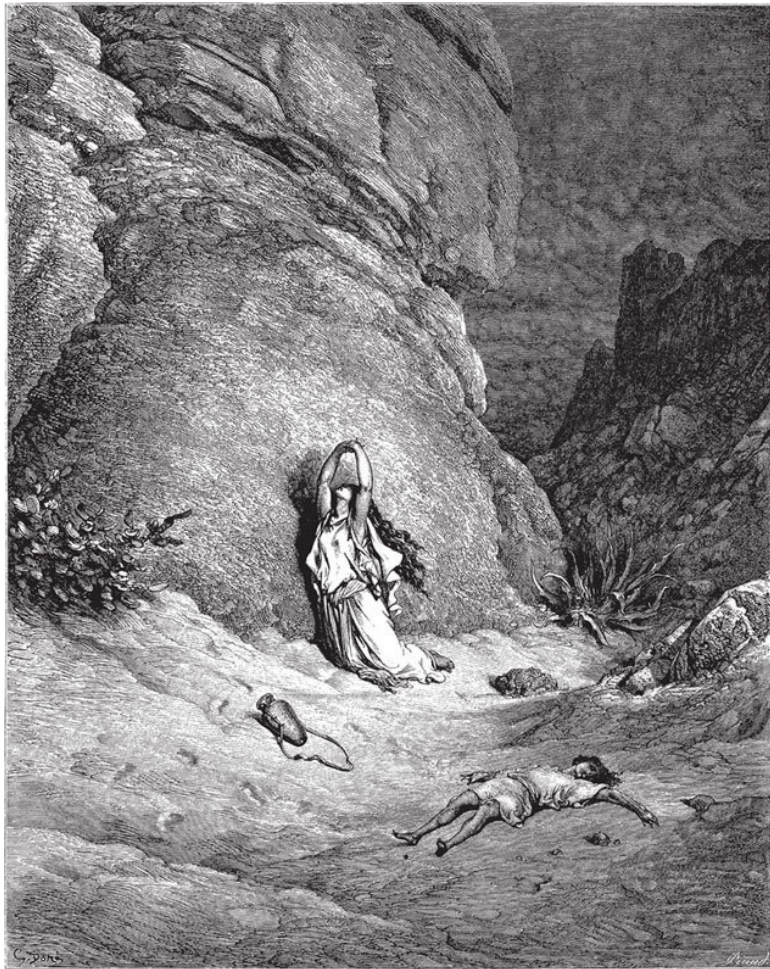
Авраам приносит в жертву Исаака

А. Красницкий

Любимый, милый сын... Подруги милой сын,
Что в жизни целой был всех краше и дороже,
Что старцу среди людей опорой был один,
И вдруг расстаться с ним навеки... Боже, Боже!..
На склоне долгих лет остаться одному...
О, пусть бы свет погас, чтоб не видать чрез тьму,
Как вздрогнет под ножом израненное тело,
Как трепет пробежит последний по нему
И вздох послышится души осиротелой!
Все разом потерять, чем дорог был так свет,
И пережить за миг ужасные страданья...
Но, может быть, его, нарушив тот завет,
Спасу от смерти я! Завет нарушить? Нет!
Прочь мысли черные, сомненья отрицанья!
Нет в сердце места вам измученном моем...
Всевышнего должно исполнить приказанья!
Пойдем, мой милый сын, пойдем... скорей пойдем...
Уверен я теперь: не дрогнет старика
Во славу Еговы поднятая рука!

Как часто с той поры на сердце человека
Вступал суровый долг в тяжелую борьбу
С сердечной жалостью, врожденною от века,

И сердца кроткого он заглушал мольбу.
Блажен, кто не терял для долга силы новой,
Блажен, чей в жизни путь безгрешен был и прям,
Блажен, кто до конца исполнил долг суровый,
Как некогда его исполнил Авраам.



АГАРЬ И ИЗМАИЛ В ПУСТЫНЕ ВИРСАВИИ. БЫТИЕ, ГЛ. 21, СТ. 15–16. ...и не стало воды в мехе, и она

*оставила отрока под одним кустом и пошла, села вдали...
И она села [поодаль] против [него] и подняла вопль, и пла-
кала...*

Жертва Авраама

К. Фофанов

Послушной жертвой на закланье
Вел первородка Авраам.
Уже рассыпало сиянье
Второе утро по горам;
Уже навьюченной ослицы
Замедлен ход... Уж цель близка...
Кустарник гуще... Блеск денницы,
Виясь, туманит облака...
И видит патриарх, тоскуя,
То место на одной из гор,
Где жертвенный возжет костер.
И, сына юного целуя,
Он устремляет к небу взор...
Но тихо все в лазури ясной...
И, удаляя верных слуг,
Спешит он с первенцем. Вокруг
Сын озирается несчастный
И говорит: «Скажи, отец,
Где наша жертва, наконец?
Огонь, топливо – все из дому
Мы взяли, только жертвы нет».
И, внемля сыну молодому,
Отец тоскующий в ответ:

«Господь нам жертву Сам укажет!» –
И дальше продолжают путь.

Уж поздно – время отдохнуть,
Уж скоро тень ночная ляжет...
Сквозь ветки спутанных вершин
Багровый месяц диск свой кажет...
«Здесь жертву принесу, мой сын!» –
Сказал отец... и в тайной дрожи
Внезапно речь свою прервал.
Алтарь воздвигли...
«Жертва кто же?» –
«Тебя для жертвы Бог избрал!»

И отрок в страхе молчаливом
Над алтарем уже поник.
И в трепете благочестивом
Над ним занес отец-старик
Разящий меч... Как вдруг над мраком
Раздался голос в вышине:
«Довольно! Ты послушен Мне!
Останови над Исааком
Подъятую десницу!..» Вновь
Небесный голос смолк над чашей,
И меч родителя грозящий
Не пролил родственную кровь.

Казнь не свершилась над сыном!..
И видит в радости своей

Отец: запутавшись длинным,
Кудрявым рогом меж ветвей,
Овен трепещет... И, покорный
Всевышней воле, он кладет
Добычу на дрова... И вот
Заносит меч рукой проворной...
И кровью овна насыщен
Алтарь... и жертвенник возжен!..
И с той поры то место в мире
Зовется «Иегова-ире»,
Что значит: Бог усмотрит.



ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЕ АВРААМА. БЫТИЕ, ГЛ.

22, СТ. 6. *И взял Авраам дрова для всесожжения, и возло-*

жил на Исаака, сына своего...

Гробница Сарры

А. Лавров

Сарры нет на свете...
Тихою стопой
Смерть подкралась, словно
К золоту скупой,
И от Авраама
Вмиг унесена

Нежная голубка –
Верная жена,
Многих лет подруга;
И в могилу с ней
Старец погребает
Счастье многих дней...

Старец пал бы духом,
Но ему помог
Перенести потерю
Всемогущий Бог.

Гробница Сарры

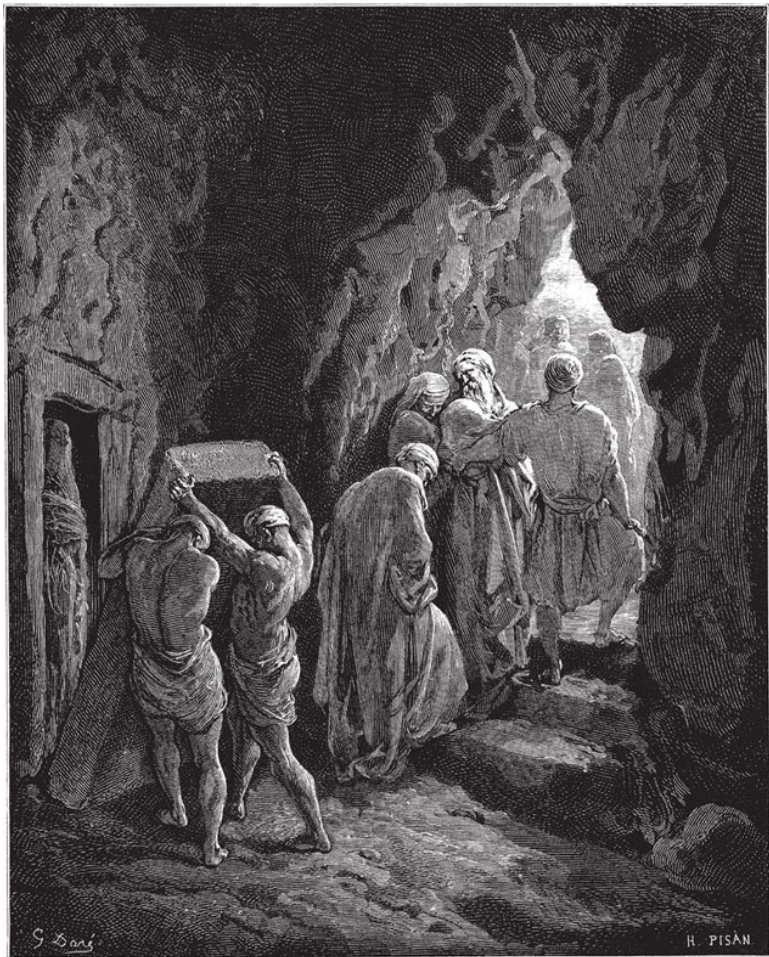
О. Чюмина

В долине Мамрийской, в глубокой пещере
Жены Авраама покоится прах,
И старец скорбит о великой потере,
Склонясь на ступени в слезах...

Ценой дорогою у князя Ефрона
Купил он свой первый участок земли, –
И тут, близ журчащего тихо Хеврона,
Усопшую Сарру они погребли.

В простертую нишу опущено тело,
Окончился жизненный путь для нее:
И место жены навсегда опустело
В шатре господина ее.

И старец маститый, поникнув главою,
Провидит в грядущем немеркнущий день,
Когда, призываем на суд Еговою,
Сойдет он под ту же могильную сень.



ПОГРЕБЕНИЕ САРРЫ. БЫТИЕ, ГЛ. 23, СТ. 19. ...

После сего Авраам похоронил Сарру, жену свою, в пещере по-

*ля в Махпеле, против Мамре, что ныне Хеврон, в земле Ха-
наанской.*

Ревекка у колодца

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.